

Утопия 60

На прошлой неделе страна узнала о смерти поэта Андрея Вознесенского и математика Владимира Арнольда. Оба они - шестидесятники, представители самого плодотворного советского поколения. Именно оно придумало львиную долю того, чем мы пользуемся и гордимся сегодня, - от водородной бомбы до советской киноклассики. Между 1956 и 1968 годами у нашей страны был шанс на успешную модернизацию, а у ее лучших людей - настоящая большая утопия. Тогда казалось, что можно примирить коммунистический эксперимент и индивидуальное творчество, "все для блага человека" и общее благо. Как произошел трагический разрыв между этими понятиями? Когда шестидесятники проиграли свои идеалы и с чем остаемся мы?

Нет искусства шестидесятников, и нет определенного признака, который бы его объединял, — говорит режиссер Марлен Хуциев, автор одного из главных шестидесятнических фильмов «Застава Ильича» («Мне двадцать лет»). — Если взять Вознесенского, разве он похож на Евтушенко или Ахмадулину? Они все очень разные, их невозможно объединить в одно направление. Другое дело, что тогда возникли условия, благоприятные для существования разных художников. То, что они были разные, и было общим — такой вот парадокс.

Впрочем, из дня сегодняшнего шестидесятничество на первый взгляд кажется эпохой цельной. У нее даже есть четкие хронологические границы: 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС Никита Хрущев зачитал доклад, разоблачающий культ личности Сталина, — для многих это стало обещанием свободы и началом эры «социализма с человеческим лицом», а 20–21 августа 1968 года советские танки вошли в Прагу

, задавив демократические реформы в Чехословакии.

На самом же деле 60-е были эпохой, полной внутренних противоречий. И ее уникальность как раз состояла в этом «единстве противоположностей»: коммунизма и индивидуализма, тонкого вкуса и откровенного мещанства, естественнонаучной и гуманитарной картин мира, урбанизации и стремления к природе, демократии и технократии — из этих оппозиций, образующих диалектические единства, и состояла шестидесятническая утопия.

Позже, когда эта утопия развалилась, рассыпались и оппозиции, превратившись в зоны конфликтов 70-х, 80-х, 90-х и нулевых, став болевыми точками и неврезами современного общества. Именно шестидесятники подарили нам сегодняшнюю жизнь — со всеми ее трудностями, противоречиями, войнами и надеждами.

Коммунизм — индивидуализм

Единство общественного и личного, характерное для 60-х, сменилось противостоянием и даже конфликтом. Начиная с 70-х личное пришло в противоречие с государственным

— Для нас коммунизм — мир свободы и творчества, — сказал во второй половине 90-х Борис Стругацкий. В 1961 году, когда КПСС приняла Программу строительства коммунизма, большинство советских интеллигентов не видели никакого противоречия между коммунизмом и индивидуализмом. И даже в 1972 году, уже после разгрома Пражской весны и утраты шестидесятнических иллюзий, Андрей Вознесенский писал: «Даже если — как исключение // вас растаптывает толпа, // в человеческом // назначении // девяносто процентов добра».

По сути, в своей программе партия пообещала советским людям очередную утопию: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

— Программу партии обсуждали на кухнях, — рассказывает вице-президент Академии сельхознаук Лев Эрнст. — Но вокруг меня никто не верил, что коммунизм через двадцать лет будет. И я тогда считал, что нельзя устанавливать сроки для наступления коммунизма.

Идеология 60-х представляет разительный контраст с идеологией самопожертвования и государственной сверхцентрализации, характерной для сталинизма. Идея мирного коммунистического строительства

обращается к личному интересу: «все во имя человека, для блага человека».

В результате новых подходов в хозяйственной политике в 1965–1970 годах наметился самый мощный экономический рост за 30 лет: в среднем темпы роста составили 8,5% в год. У населения образовались колоссальные накопления — более \$100 млрд по официальному курсу. Тогдашний премьер Алексей Косыгин в 1966 году так доказывал Брежневу на заседании Политбюро необходимость строить завод: «Когда-нибудь эта денежная масса лавиной обрушится и раздавит всех... Нас в первую очередь! Чтобы изъять из кубышек эти миллиарды, надо выбросить на внутренний рынок не ювелирные изделия и импортный ширпотреб, как сегодня, а нечто более весомое. Этим “более весомым” и будет наш новый отечественный автомобиль, созданный на основе западных технологий!»

«Ну что ж, Алексей Николаевич, убедил! — ответил тогда Брежнев. — Дай указание своим подчиненным — председателю КГБ и министру Внешторга, чтобы они выяснили, в какой стране можно дешевле приобрести завод... Даем тебе полгода».

Таким образом, именно экономические соображения, то есть угроза инфляции, и создали основание для потребительского бума, который с неизбежностью привел к индивидуализации быта советского человека.

Ключевой тезис Программы КПСС: «Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников». Это позволило продвинутым марксистам вроде Мераба Мамардашвили переосмыслить ортодоксальный марксизм-ленинизм: «В философии свободой называется внутренняя необходимость. Необходимость самого себя».

Население начало переселяться из коммуналок в отдельные квартиры с кухнями и кухонными разговорами: сюда можно было смело звать друзей, собственноручно формируя себе круг общения. А 14 марта 1967 года вводится пятидневная рабочая неделя с двумя выходными, и у советского человека появляется наконец личный досуг.

Но парадоксальным образом государственная забота об автономной жизни человека приводит к росту коллективизма, фактически к стихийному коммунизму.

— Шестидесятничество запомнилось высоким накалом дружеских отношений, — вспоминает правозащитник, участник диссидентского движения Борис Золотухин. — Это был апофеоз дружбы. У нас не было иной возможности получить информацию — только общаясь друг с другом, мы могли что-то узнать.

После сталинских репрессий, когда без опасности для своей жизни и свободы близкими друзьями можно было считать всего несколько человек, дружеские компании времен оттепели были поистине огромными — по 40–50 человек. При всех внутренних разногласиях и противоречиях общество было очень консолидированным: все общались со всеми, и даже Хрущев спорил с деятелями культуры, а те ему отвечали.

Самым мощным ударом по этому стилю жизни и по самому режиму стал разгром Пражской весны. Советская интеллигенция была вынуждена как-то соотнестись с этим событием, занять какую-то позицию по отношению к нему. И тут выяснилось, что единой позиции у нее нет.

Ввод советских войск в Чехословакию, которая занимала тогда первое место в мире по числу коммунистов на тысячу жителей, консолидировал ряды диссидентов-западников вроде Андрея Амальрика, Натальи Горбаневской или Ларисы Богораз. Марксисты-романтики вроде Александра Зиновьева и Роя Медведева утверждали, что руководство партии отклонилось от «подлинных» Маркса и Ленина. Националисты-почвенники вроде Игоря Шафаревича и Александра Солженицына выступили не только против марксизма, но и вообще против всего модернизационного западного проекта.

Утопия разложилась на официозный коллективизм и разные формы нелегального индивидуализма, более или менее радикального. Уже в начале 80-х во всех вузах страны на занятиях по истории КПСС читалась особая лекция, которая объясняла, почему, в силу каких «субъективных и объективных» причин коммунизм так и не был построен в намеченный срок. Острой, почти аллергической реакцией на этот недостроенный коммунизм стал тотальный индивидуализм 90-х, который принял вовсе не те утопические формы свободы творчества, о которых мечтали шестидесятники.

Вкус — мещанство

Потребительский бум в 60-е породил утопию личного вкуса: вещь должна была служить эстетике и практике коммунизма, а не безудержному «вещизму». В застойные 70-е потребление сдерживалось только

дефицитом, но не вкусом

— Это было начало эпохи потребления, — вспоминает писатель Сергей Хрущев, сын Никиты Хрущева. — Появилась какая-то уверенность в будущем. Был рост рождаемости: в год от трех до пяти миллионов человек. Но глобального потребления не было — каждый новый сорт колбасы был открытием. Появление в магазинах чешских шпикачек, возможность купить мяса и приготовить шашлык — вот потребление тех лет. Когда вдруг вы обнаруживаете, что в Крым можно доехать на машине, а до этого ведь были только проселочные дороги.

Рубеж 50-х и 60-х был уникальной эпохой веселого потребления, своеобразного потребительского драйва. В эту короткую эпоху вещь была одновременно утилитарной и символичной. Она была знаком коммунистической утопии, и охотились за ней так же, как если бы это была вещь из самого Города Солнца, придуманного Томмазо Кампанеллой.

Именно поэтому шестидесятничество сочетало в себе борьбу с мещанством и «вещизмом» и потребительский бум начала 60-х, стремление к простоте и функциональности и небывалый для советского времени подъем промышленного дизайна.

На рубеже 50-х и 60-х появляется понятие советского «вкуса» как отражения социалистической культуры и понятие «красоты», которое было подчеркнуто рукотворным: красивым можно было не родиться, а стать благодаря одежде, причёске и макияжу.

Вкус — это простота и пропорциональность. Характерно, что первые звезды советского подиума — Регина Збарская, Мила Романовская, Галина Миловская — были обычными женщинами за 30, а в дома моделей принимали манекенщиц с самыми разными фигурами, вплоть до 60-го размера.

60-е — это эпоха любви ко всему новому. Тогдашний потребитель в каком-то смысле чувствовал драйв первооткрывателя. Новые вещи «добывали» с тем же энтузиазмом, что и полезные ископаемые: важно было стать первым. Этот драйв как бы снимал с предмета мещанский, «вещистский» налет и наделял его символической ценностью.

— Многие говорят, что первые джинсы появились у кого-то там... Это все вранье. Первые джинсы в Ленинграде, по крайней мере белые, были у меня! — заявляет поэт Анатолий Найман. — В 1964 году. Настоящие. Американские.

Вещами мерялись, как рекордами.

— У Высоцкого тогда уже был голубой «Мерседес», первый в Москве, — говорит режиссер Александр Митта. — Потом такой же появился у Никиты Михалкова, еще более голубой.

В эстетической системе 60-х была раздвоенность, которая позже, при распаде шестидесятнической утопии, стала конфликтом, невротизировавшим общество 90-х и нулевых. Предметы вызывали двойственные чувства: ими гордились и в то же время их стеснялись.

— У меня был потрясающий песочный пиджак мелкого вельвета от сестры Набокова — привезли кому-то, оказался мал, — вспоминает Анатолий Найман. И он же рассказывает: — Евтушенко был щеголь. Мы идем как-то страшной зимней московской улицей, а он — из ресторана, в какой-то шубе не нашей, шикарной, расстегнутой. Навстречу ему папаша в ватном пальто и мальчик. Евтушенко расставил руки и громко сказал: «Вот мой народ!» И вдруг этот папаша в ватнике остановил его и спрашивает: «Ты, парень, из какого цирка?»

Во многом мещанство 60-х было синонимом комфорта: вера в утопию боролась с ним как с тем, что держит ее в настоящем, не давая устремиться в светлое будущее. Но парадокс в том, что одежда и мебель 60-х, за которыми охотились и которые, как в пьесе Виктора Розова «В поисках радости», рубили шашкой в приступе пролетарского гнева, были как раз не комфортными. Они были футуристическими.

60-е — время помешательства на всем искусственном, от тканей до меха и волос: в моду входили парики и шиньоны, волосы красили во все цвета спектра, причем как с помощью специальных красок, так и подручными средствами вроде перекиси водорода или чернил, разведенных в воде.

Тогда же в моду вошли геометрические силуэты, серебристые платья, похожие на скафандры, короткие трапецевидные пальто веселых цветов и абстрактные узоры а-ля Пикассо — визуальный футуризм, скопированный советской бытовой культурой 60-х у Кристиана Диора и других западных дизайнеров.

При этом модные синтетические ткани кололись, прилипали к телу и заставляли своего обладателя потеть в

любую погоду; модные остроносые шпильки деформировали женскую стопу, застревали в ребристых ступенях эскалаторов и пробивали дырки в асфальте; за модными низкими журнальными столиками было неудобно сидеть. Но все эти вещи обладали не утилитарной, а символической ценностью — как материальные признаки утопии, которая вот-вот станет явью.

Но уже в середине и особенно в конце 60-х, когда эта утопия начала рушиться и перестала обеспечивать сферу советского потребления символическим капиталом, мещанство набрало небывалую силу, потому что футуристические вещи, накопленные советскими гражданами в стремлении приблизить будущее, стали просто вещами. В начале 90-х, когда на короткий срок своеобразной географической утопией для нас стал Запад, «вещизм» нового русского человека вновь стал символическим и первооткрывательским, но еще быстрее — с крушением веры в очередную утопию — превратился в обыкновенное челночество.

— У меня не было шока от конца 60-х, — говорит Александр Митта. — Настоящий шок наступил позже, когда выяснилось, что для многих поздний застой 80-х с его тупым потребительским мещанством — накопить на машину, купить дачу и т. д. — оказался привлекательнее драйва, внутренней свободы, творческих поисков и, да, бытовой неустроенности 60-х.

Физики — лирики

В 60-е между естественнонаучной и гуманитарной картинками мира не было конфликтов: обе они были элементами единой утопии нового человека. Уйдя в профессию или в диссидентство, и физики, и лирики потеряли влияние на общество

Образ гармоничной личности, которого требовала шестидесятническая утопия, определили два стихотворения Бориса Слуцкого: «Физики и лирики» и «Лирики и физики». В них человек-физик с логарифмами и формулами противопоставлялся человеку-лирику с рифмой и строкой, но всем было ясно, что никакого противопоставления на самом деле нет.

Житель Утопии — умный, веселый, позитивный, работающий на благо цивилизации, на ее будущее. Таким героем не мог стать парторботник (официоз, сталинизм), колхозник (необразованность, приземленность), пролетарий (то же, что и колхозник), служащий (человек из настоящего). На титул нового человека претендовала только интеллигенция — инженерная, научная и творческая.

— Противопоставления не было, — вспоминает Михаил Маров, инженер и астроном, запускавший в начале 60-х первые аппараты на Венеру. — Если это были разумные физики, то они уважали лириков. И считали приобщение к лирике составной частью своего мировоззрения. Я абсолютно ассоциирую себя с шестидесятниками. И поэтому сильно переживаю смерть Андрея Вознесенского. Мне была близка поэзия и его, и Рождественского, и Евтушенко. Бегал в Политех... Это входило в понятие «интеллигентность».

А Вознесенский в 60-х писал: «Женщина стоит у циклотрона — // стройно, // слушает замагниченно, // свет сквозь нее струится, // красный, как земляничка, // в кончике ее мизинца...»

Физики интересовались гуманитарными проблемами, причем не только поэзией, но и социальными идеями, лирики вдохновлялись научно-технической утопией. Появившиеся после 1953 года философы и социологи во многом приняли научно-инженерное мировоззрение: мир можно и нужно менять, причем по науке, по проекту.

Символами времени стали фильмы «Девять дней одного года» и книга Стругацких «Понедельник начинается в субботу»: «“А чем вы занимаетесь?” — спросил я. “Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем человеческим”».

Надо сказать, что «свободный физик» сделал в 50–60-е столько, что и сейчас трудно поверить. Из 19 российских Нобелевских лауреатов десять получили свои премии в 1956–1965 годах: из них двое — литераторы (Михаил Шолохов и Борис Пастернак), а остальные — физики и химики. В 1954-м в Обнинске построили первую в мире атомную электростанцию. В 1957-м — синхрофазотрон в только что созданном международном Объединенном институте ядерных исследований в Дубне, который и сегодня является крупнейшим научным центром.

В 1957-м СССР запустил в космос спутник, а уже в 1961-м — Гагарин со своим «Поехали!». В 1955-м, после «письма трехсот», началось создание генетических и биохимических лабораторий, и хотя академик Лысенко в 1961-м еще вернулся, в международных журналах уже появились работы наших генетиков.

Гармоничный человек будущего трудился в лаборатории, играл на гитаре, вел диспуты об обитаемости

Вселенной в кафе «Интеграл» новосибирского Академгородка, посещал в Москве спектакли театра на Таганке и «Современника», вечера поэзии в Политехническом музее. Последнее, кстати, хорошо показывает, как создавался миф. Вот что говорит Марлен Хуциев:

— Что касается поэтических вечеров в Политехническом, то это я случайным образом возродил традицию. И массовый характер такие вечера приобрели именно после той сцены в «Заставе Ильича». До этого поэты шестидесятых по отдельности выступали на разных площадках. Я просто собрал их вместе. И уже после начались их выступления на стадионах.

Логическим продолжением симбиоза физиков с лириками стала общественная деятельность крупных ученых, прежде всего Андрея Сахарова, в 1966-м подписавшего коллективное письмо об опасности возрождения культа Сталина. Наряду с учеными — Капицей, Арцимовичем, Таммом — среди «подписантов» были писатели: Катаев, Некрасов, Паустовский.

— У меня не было намерения что-то кардинально поменять в стране, — говорит Михаил Маров. — Многие из тех принципов, на которых строился социализм, меня удовлетворяло. И я думал, что нужно немножечко отходить от консервативных концепций. И поборником такого направления был очень уважаемый не только мной, но многими людьми Андрей Дмитриевич Сахаров, который как раз говорил о социализме с человеческим лицом.

«Еще не стал реальностью научный метод руководства политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом», — писал Андрей Сахаров в своей первой общественно-политической статье «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Дело было в 1968 году, в самый разгар Пражской весны, когда советские танки еще не вошли в Чехословакию. В апреле Сахаров еще рассчитывал на обсуждение своих идей с руководством страны и обществом, но к августу столичная интеллигенция уже не надеялась на равноправное участие в жизни страны. Коммунизм с человеческим лицом не получился.

Вот что говорит один из главных диссидентов страны Сергей Ковалев:

— Мне приходилось не раз слышать от своих коллег: «Ты же понимаешь, что ты состоявшийся ученый, и понимаешь, что такое профессионализм. Что ты лезешь в политику, где ты дилетант? Ты же презираешь дилетантизм». Мне кажется, что это неискреннее суждение. Было стремление заслужить право на самоуважение. Вот и все. Самые неглупые из нас отлично понимали, что все наши поступки и заявления носят характер совсем не политический. Это характер нравственной несовместимости... Меня посадили в самый разгар работы. Десять лет лагеря и ссылки. Потом меня выселили из Москвы. А что такое перерыв на 13 лет в науке?

Уйдя в диссидентство или сугубый профессионализм, шестидесятники фактически лишились возможности отстаивать свои идеалы в дискуссии с властью. Временный всплеск активности ученых и писателей в перестройку был исключительно диссидентским, антисоветским. Шестидесятники лишь помогли номенклатуре разрушить СССР, но позитивной прогрессистской коммунистической утопии уже не было. Физики и лирики — два полушария гармоничной личности — разошлись в разные стороны, и в пространстве между ними образовалась идейная пустота 90-х.

Город — целина

В 60-е урбанизация и единство с природой были частью одной социальной реальности. Сегодня на месте утопии остались бетонные джунгли, стихийные дачи, туризм и дауншифтинг

Столетиями человек бежал от дикой природы к комфорту. Из пещеры — в избу, из избы — в квартиру с газом, электричеством, водопроводом и унитазом. Шестидесятники оказались первым поколением, в котором массово произошло и обратное движение.

40,3% городов СССР были построены после 1945 года. При этом пик строительства пришелся именно на 60-е годы. Бурный рост урбанистической среды создал новый имидж советской культуры: ее крестьянско-поселковый облик начал стираться и обретать городские черты. Даже деревня начала урбанизоваться благодаря хозяйственной моде на крупные агропромышленные комплексы.

Весной 1959 года триста студентов-физиков из МГУ поехали в Северный Казахстан строить дома, телятники и курятники. Так началось движение стройотрядов, которое захватило практически все вузы страны. Целина (непаханая земля) стала еще одним словом — символом эпохи.

— На волне патриотического движения по освоению целины на восток с песнями и плясками шли комсомольские поезда. Главный лозунг — «Все на целину!» — вспоминает актер Игорь Кваша. — И мы подумали: а почему бы не создать свой комсомольский театр там?

Решалась государственная задача — освоить новые земли, повысить урожайность. Молодежный драйв был частью государственного проекта. Многих это отпугивало. Тогда в среде ученых родилась мода на другую форму бегства к природе — туризм и экспедиции.

Под рюкзаки становились все: и те, кто должен был это делать по долгу службы (например, геологи), и те, чья работа этого совершенно не требовала. К примеру, физик, нобелевский лауреат Игорь Тамм был заядлым альпинистом (говорят, ему принадлежит афоризм: «Альпинизм — это не самый лучший способ перезимовать лето», который потом широко вошел в оборот с вырезанной частицей «не»).

Походно-экспедиционное движение захлестнуло страну. В каждом вагоне поезда или электрички можно было встретить бодрых парней с подругами в ковбойках и кедах. Это была субкультура брезента: куртки-штурмовки, рюкзаки, палатки. В отличие от современной синтетики, все это безбожно промокало даже при средненьком дожде. Но все равно брезент казался привлекательнее железобетона «мещанских» квартир.

— Сейчас уезжают в Таиланд или на юг Индии, а тогда можно было взять палатку и гитару и рвануть дикарем на море, в лес или еще куда-нибудь. Для ученых это был естественный образ жизни, — вспоминает Александр Митта.

В 60-х явных противоречий между городом и природой не было. Герой с рюкзаком штурмовал горные перевалы, переправлялся через реки и вскрывал тесаком банку тушенки. Потом он возвращался домой, мылся, брился, надевал свитер и отправлялся в свою лабораторию штурмовать атомное ядро или живую клетку. «Уход в поле» был лишен пафоса, поскольку подразумевал возвращение.

Но постепенно и этот образ переставал быть бесконфликтным. В фильме Киры Муратовой «Короткие встречи» главный герой, которого играет Высоцкий, тот самый странник с гитарой, мотающийся туда-сюда, свободный, независимый, презирующий карьеру и материальные блага, оказывается меж двух героинь: одна — простая деревенская девушка, которая пешком уходит в город за какой-то неведомой ей самой «другой» жизнью, вторая — городская райкомовская чиновница, которая контролирует сдачу в эксплуатацию новых хрущевок и которую от всего этого тошнит. И выясняется, что по-настоящему духовный, полноценный человек (герой Высоцкого) может быть собой только в некультурных местах, вдали от общества, не вписанным в социум. Все остальное его ломает.

К началу 70-х внутренний туризм начал приобретать черты внутренней эмиграции. Авторская песня постоянно балансировала на грани подполья и одобрения: слеты бардов то поддерживались, то запрещались.

— Я и мои друзья ходили в походы, — рассказывает адвокат Борис Золотухин. — Это была возможность уйти от пропаганды. Иллюзия полной свободы — скрыться в герметичном кругу друзей. И потом, в Москве западные радиостанции глушили, а в лесу «Спидола» все прекрасно брала...

Сейчас попытки бежать от благоустроенной, но и конфликтной городской среды называются по-другому. И если бы в 60-е кто-нибудь сказал стройотрядовцу, геологу или туристу-воднику, что тот занимается дауншифтингом, то в ответ, скорее всего, получил бы по морде. А зря.

Демократия — технократия

Правление в утопии 60-х опиралось на народ, но править должны были культурно и научно оснащенные прогрессоры. С гибелью идеи прогресса возник ложный выбор между властью толпы и сильной рукой

«При демократическом управлении согласно желаниям большинства был бы остановлен прогресс, так как прогрессивное начало сосредоточено в небольшом количестве людей... Поэтому демократический принцип управления людьми только тогда и действует, когда он связан с обманом одних другими». Этот афоризм нобелевского лауреата Петра Капицы образца 1960 года здорово иллюстрирует демократическую утопию 60-х — ее логическую оснащенность, иронию, а также необходимость непротиворечивого соединения «власти народа» и «власти знающих».

На определенных направлениях прогресс, прямо по Капице, и был остановлен демократическим путем — в перестройку. Почему?

— Никита [Хрущев], выпив, стал в очень резкой форме обвинять писателей в том, что они плохо помогают партии в строительстве коммунизма. А когда Маргарита Алигер попробовала с ним не согласиться, он, потеряв всякий контроль над собой, орал как резаный: «Вы вообще не понимаете, в каком положении страна. Мы селедку на золото покупаем, а вы тут пишете. Что вы пишете?» — вспоминает Игорь Кваша.

Но на самом деле 1963 год, когда интеллигенция начала опасаться возвращения к сталинизму, был временем, когда государство было еще близко к народу, а страна не была еще «этой страной».

— Это был такой розовый период отношений с властью, — вспоминает Александр Митта. — Нам нужно было показать и народу, и власти, что мы делаем жизненно важные вещи.

— До 1964 года я жил в семье руководителя государства, и у нас были постоянные разговоры о политике, — говорит Сергей Хрущев, сын тогдашнего генсека. — Реформы подразумевали демократизацию экономики и политической жизни. Не сама собой появилась относительная свобода волеизъявления, относительная, но немыслимая еще в сталинское время... Люди жили своей жизнью, но без реформации этого всплеска никогда бы не произошло.

С ним не соглашается Марлен Хуциев:

— На самом деле оттепель началась раньше, сразу после смерти Сталина, еще до XX съезда. А когда этот съезд проходил, я уже снимал «Весну на Заречной улице». Это потом оттепель стали приписывать Хрущеву.

СССР к началу хрущевской оттепели имел большой потенциал, накопленный внутренней энергетикой и свободой малых групп, семинаров, кружков, причем не только в физике, инженерии, литературе, но даже в социальных науках (Московский методологический кружок работал на философском факультете МГУ уже с 1952 года). И поэтические чтения в Политехническом музее, и семинары у Ландау, и обсуждения продвинутой логики на примере «Капитала» Маркса были связаны общей стилистикой и общей утопией. Ее можно назвать «демократической», но сутью была не просто свобода мнений, а свобода обоснованного творческого высказывания. За глупость и бесталанность можно было получить, и очень жестко.

И разве не могут политические обсуждения и управленческие решения быть организованы столь же свободно, научно и эффективно, как математический или философский семинар? Ничто, казалось, не мешало двигаться в этом направлении. Но...

«Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. <...> И если для нас коммунизм — это мир свободы и творчества, то для них коммунизм — это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства» — так описывал Борис Стругацкий контекст создания «Трудно быть богом». В 1963 году, когда романы Стругацких публиковались почти без цензуры, едва ли не ключевыми героями стали прогрессоры, агенты коммунизма на планете, где правит дикое Средневековье. Это можно понять и как обсуждение роли интеллигенции в СССР: насколько можно вмешиваться в дела дикарей, чтобы не навредить, а помочь им постепенно двигаться к прогрессу?

Когда же в конце 60-х выяснилось, что СССР не экспериментальное государство, строящее коммунизм, а просто империя безо всяких высоких целей, интеллигенция ушла во внутреннюю эмиграцию. «Если выпало в Империи родиться, // Лучше жить в глухой провинции у моря», — писал Иосиф Бродский.

Впрочем, в разочаровании в СССР «агрессивность» империи сыграла, возможно, не большую роль, чем другой фактор: партийная элита перешла в стадию затвердевания и уже сама не хотела строить коммунизм, и уж точно никого не пускала «наверх». Были отменены сталинские нормы кадровой ротации — в высших органах партии на 1/4 и в областных и районных на 1/3. Тем самым были созданы условия для застоя 70–80-х и формирования класса партийно-советской бюрократии — номенклатуры. Войти во власть технократам становилось все сложнее, да и в науке и в культуре прекращались ротация и движение. Как в анекдоте про Шостаковича из книги Михаила Ардова: «Во время войны Дмитрий Дмитриевич был в Куйбышеве, там он увидел и запомнил такое замечательное объявление: “С 1 октября открытая столовая здесь закрывается. Здесь открывается закрытая столовая”». С 70-х годов СССР начал становиться «закрытой столовой».

Те союзы, которые иногда складывались у шестидесятников с номенклатурой в последующие годы, оказывались трагическими. Участники V съезда Союза кинематографистов, который состоялся 13 мая 1986 года, впоследствии извинялись за революционное свержение «ретроградов» и классиков советского кино Льва Кулиджанова и Сергея Бондарчука. А авторы письма в поддержку

Ельцина в октябре 1993-го впоследствии вряд ли могли гордиться стилем и содержанием этого послания, оправдывавшего расстрел Белого дома: «Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом». С началом же первой чеченской войны смысл диссидентства снова стал советским: шестидесятники порвали с властью навсегда.

Они были элитой огромной страны в эпоху ее исторического шанса. Но именно их «технократизм» и «элитаризм» вступили в противоречие сначала с авторитаризмом партийной номенклатуры (и проиграли), а потом, в 1993-м, с реальными желаниями масс (и тоже проиграли). Мечта в очередной раз не выдержала столкновения с реальностью.

**Григорий Тарасевич, Юлия Идлис, Виталий Лейбин, Алексей Торгашев, Руслан Хестанов
При участии Евгения Гусятинского, Саши Денисовой, Дмитрия Карцева, Константина Мильчина**

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 4129 14.06.2010, 14:08 📌 603
URL: <https://babr24.com/?ADE=86507> Bytes: 30293 / 30199 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)